
УКРАИНСКИЙ УЗЕЛ

Наш давний автор, исследователь из Восточной Украины, выступает с очередной статьей, как всегда, острой до провокационности. Киевские коллеги, с которыми редакция связалась, считают, что суждения о «культурной деградации общества», «психологической компенсации подсознательного чувства исторической вины», «заполнении культурной пустоты массового сознания» и т. д. выстроены на эмоциях и тенденциозном подборе фактов. Обстоятельный комментарий надеемся получить позже, поскольку вопрос о национализме вообще (и украинском национализме – только в частности) сегодня напряжен до такой степени, что замалчивать его было бы неразумно. По нашему убеждению, при любом раскладе полемика в академическом журнале – хоть какая-то альтернатива телевизионным ток-шоу со взаимными оскорблениями в перерывах между рекламными паузами и издевательским «фейкам» в Интернете.

В. Ю. ДАРЕНСКИЙ

О ПРИЧИНАХ МАССОВОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

В статье рассматривается массовый радикальный национализм в Украине как мировоззренческий феномен. Показано, что в его основе лежит невротический коллективный нарциссизм как следствие исторической «травмы модернизации» и социального стресса, который служит иллюзорным компенсатором коллективного чувства, порожденного упадком и маргинализацией этнокультурной общности. Отдельное внимание уделяется постулатам «интегрального национализма» Д. Донцова как популярной идеологии украинского неонацизма.

Ключевые слова: Украина, национализм, массы, социальный стресс, *ressentiment*.

Феномен радикального национализма, фактически проникшего во власть в современной Украине, ставит перед исследователем во-
Историческая психология и социология истории 2/2016 67–84

прос о глубинном социально-психологическом и экзистенциальном основании, обусловившем существование этого явления в XXI веке. Прежде всего требуют анализа и осмысления две главные особенности современного радикального украинского национализма.

Во-первых, это не такое маргинальное явление, как в Европе: украинский национализм стал явлением *массовым*, охватившим как минимум половину населения Украины. Сегодня его представители абсолютно доминируют в украинской политике и жестко подавляют всех своих оппонентов. В этом отношении украинский национализм – экстраординарное явление для современной Европы и ныне имеет некоторые аналоги лишь в ряде стран Африки и Азии.

Во-вторых, современный украинский национализм не только сознательно декларирует свою преемственность по отношению к украинским нацистам 1930–1940-х годов, участвовавшим в войне на стороне гитлеровской Германии (в частности, активно принимавшим участие в геноциде советских военнопленных и евреев, а также по собственной инициативе устроившим геноцид поляков). По ряду идеологических признаков, о которых будет сказано далее, современный украинский радикальный национализм действительно имеет много общего с *идеологией классического нацизма* 1930–1940-х годов.

Как отмечает Ю. Бялый (2014), в российском обществе царит «определенное недоумение: откуда взялась эта преисполненная ненависти к “москалям” и “омоскаленным” дьявольская сила, которая уже несколько месяцев “панует” на Украине? Между тем идеи, которые пропитывают эту силу, уже почти столетие инфицируют украинскую народную толщу. Эти идеи создали бандеровский нацизм и его военно-политическое воплощение в 30–40-х годах XX века... И эти же идеи в постсоветское время вышли на идеологический и политический простор... и создали предпосылки для попытки бандеровского реванша... Имя этим идеям – украинский нацизм».

В данной статье будут рассмотрены внутренние психологические мотивы обращения людей к идеологии украинского национализма как особому «состоянию души», более всего похожему на состояние души человека, вовлеченного в тоталитарную секту. И это не просто аналогия. По сути дела, «сознательные украинцы» всегда отличались и ныне отличаются сектантской психологией, жестко делящей людей на своих («избранных») и «врагов», для которых придумано множество оскорбительных наименований.

Чем же объясняются такие странности массового сознания, вследствие которых оно в ряде случаев опускается до откровенного неонацизма? В классическом исследовании В. Райха возникновение германского нацизма объясняется его функцией компенсатора болезненных комплексов массового сознания: «...ясно, что фашизм – это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека... склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т. е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с “величием нации”. Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником “национального наследия” и “нации”. Это ощущение не позволяет ему презирать “массы” и противопоставлять себя им в качестве индивидуума» (Райх 2004: 10; 40). Все эти психологические черты очень четко прослеживаются в современном украинском национализме, особенно в его идеологических манифестациях. Эти черты могут как смягчаться на уровне индивидуального общения, так и, наоборот, радикализироваться в формах массовой агрессии, как это имело место на «майдане», в событиях в Одессе 2014 года и др.

В ходе анализа социальных процессов в постсоветском обществе Л. Я. Гозман сформулировал одну из его ключевых проблем следующим образом: «...интерес, однако, представляет не столько насилие, исходящее от власти, сколько насилие, осуществляемое самими гражданами, точнее – внутренняя готовность к осуществлению насилия»; «...терпимость к насилию, фактический отказ от традиционных моральных норм определяются, помимо прочего, еще и ощущением переходности нынешнего периода... постоянные разговоры о том, что наш сегодняшний день – это лишь переход от одного типа социального устройства к другому... что это состояние сугубо временное, преходящее, делает следование социальным нормам необязательным... Экстремальность, временность обстоятельств “списывает” и ложь, и жестокость» (Гозман 1994: 19, 21). Очевидно, именно эта закономерность и была использована теми политическими силами в Украине, которые уже с 1991 года усиленно пропагандировали идеологию радикального национализма, добившись в конце концов ее широкого распространения на уровне массового сознания.

Известные киевские социологи Е. Донченко и А. Овчаров еще в 1999 году в работе «Адаптационный невроз социума как следствие

управленческого кризиса» констатировали наличие тяжелого социально-психологического невроза, свойственного массовому сознанию населения Украины: «На примере современной Украины мы видим, как Разум, отбрасывающий человеческую мораль, великую религию и малые традиции, превращается в Безумие. На наших глазах на много десятилетий постарел и поглупел наш социум, разрушилась его энергия... В психологии такую ситуацию называют фрустрацией, а человек в таком состоянии закономерно реагирует либо агрессией, либо депрессией. За короткий отрезок времени средства массовой информации, обеспечивая “открытость и плюрализм” политики, сформировали мощную психологическую и техническую базу для обострения социальной фрустрации, обесценивания социального гражданского интеллекта наших людей, превратив их в рассредоточенную, политически беспечную толпу с элементарным мышлением и примитивными чувствами... Если политика времен социальных кризисов в психологическом аспекте традиционно выступает реальным средством использования иррациональности масс, то политика в Украине стала одновременно и иррациональным средством потенциального саморазрушения и самоуничтожения» (Донченко, Овчаров 1999: 175). Вследствие этого доминантами массового сознания становятся эгоцентризм и комплекс неполноценности (Там же: 179).

В этой ситуации «даже простые задачи – не утратить свой социальный статус, избежать снижения самооценки, а вместе с этим не лишиться уверенности в своих силах, сохранить необходимый круг общения, так называемую микросреду, не растерять систему собственных ценностей – на этом этапе социальной инволюции выполнить просто невозможно. Массы выступают как рассредоточенная анонимная толпа, требующая вождя и лидера, без которого ничего не сделать и даже не выжить. Массы – это не сумма индивидов. Это – толпа... Характер толпы – эмоциональный и капризный, своевольный и легкомысленный – определяет основные ее черты: пассивность, внушаемость, подчиненность, нетерпимость, коварство, склонность к экстремизму и крайностям» (Там же: 184).

Именно эти черты массы, превращающейся в толпу, становятся почвой для рецидивов фашистской идеологии и практики. Л. Г. Ионин отмечает, что «фашистская психология произросла на почве массового общества», источник фашистской власти – «страх каждого отдельного индивида. В массе он ищет укрытия от страха.

В массе же вместе со страхом он утрачивает и ответственность за свои деяния» (Ионин 1986: 154, 156).

Киевские авторы выделили и специфический механизм формирования агрессивной толпы, готовой к самым радикальным действиям против тех, на кого ей укажут как на «врага»: «...на данном этапе мы как социум пребываем в самом низком энергетическом состоянии, в состоянии, которое можно было бы назвать наиболее примитивным по отношению к самим себе, в состоянии “освобожденности” ото всего приобретенного культурой, но с сохранением иррациональных чувств. Именно они и препятствуют поступлению чужеродной информации»; это состояние авторы называют «закапсулированностью народа» (Донченко, Овчаров 1999: 189).

Показательной и научно корректной является книга «Фашизм в Украине: угроза или реальность?», в которой собраны статьи двух известных украинских политиков и публицистов – Г. К. Крючкова и Д. В. Табачника. Как сказано в аннотации к ней, авторы «призывают читателя осознать эту угрозу и выступить на борьбу с ней, пока не стало слишком поздно... фашизм необходимо остановить в Украине именно сегодня, пока он не набрал силы и не разрушил страну». Авторы пишут о том, что «вся майданная политика – это калька оккупационной не только по содержанию, но и по форме. Только слабость режима пока не дает поклонникам “Нахтигалья” и этнических чисток вновь во всю силу показать, что “наша власть должна быть страшной” (С. Бандера)» (Крючков, Табачник 2008: 270). Это было написано в 2008 году, а неофашистский госпереворот на втором «майдане» произошел в 2014-м, после чего лозунг Бандеры вполне воплотился в гражданской войне на Донбассе.

Авторы напоминают, что в период Великой Отечественной войны гитлеровцы, «оставившие в глубоком тылу незначительные силы, фактически выполняли роль надзирателей, а непосредственными исполнителями всех злодеяний были националисты, возводимые ныне на пьедестал национальных героев. Из почти миллионного довоенного Киева в живых после освобождения осталось 183 тыс. человек, каждый третий киевлянин во время оккупации был убит... Подавляющее большинство жертв приходится на долю националистических коллаборационистов, не только рьяно выполнявших приказы гитлеровских хозяев, но и проявлявших незаурядную энергию и инициативу. Это было тогда ясно всем киевлянам, относившимся к коллаборационистам (в подавляющем большинстве своем приехавших в обозах вермахта из Галиции) с ненави-

стью и презрением. Даже бывший петлюровский министр Иван Огиенко был вынужден констатировать: “Люди злые, враждебно смотрят на нас, как когда-то, очевидно, смотрели киевляне на татар-завоевателей. Никакого уважения к нам. Всех приезжающих украинцев, то есть нас, называют фашистами, сообщниками Гитлера, хотя это, в известной мере, правда... Немцы действительно поручают нам, честно говоря, самые мерзкие дела”» (Крючков, Табачник 2008: 271).

Это неудивительно, ведь когда в период Великой Отечественной войны украинские бандеровцы воевали вместе с гитлеровцами против СССР, то был отнюдь не «временный союз» – это было именно *кровное идеологическое единство двух разновидностей нацизма*. В украинском, бандеровском нацизме есть все те же самые элементы, которые содержит и «Майн Кампф».

Во-первых, это миф о расовом превосходстве одной нации над другими и вывод о необходимости господства над ними (в том числе и занятия соответствующего «жизненного пространства»). В основе украинского исторического мифа, который с 1991 года усиленно пропагандируется в СМИ, школах и вузах, миф о том, что в отличие от украинцев как европейцев и древнейших из славян россияне, якобы, – это азиаты, наделенные «рабской психологией», и не славяне, а «смесь финно-угров и татар». И если в учебниках этот миф обычно выражается в мягкой и наукообразной форме, то на уровне массового сознания он обретает агрессивно-оскорбительный характер, направленный на дискредитацию и отторжение всего российского. Выводом из этого мифа является тезис о необходимости «украинизации» всего того населения Украины, которое является носителем русского языка и российских культурно-исторических традиций. Это население маркируется сознательно унижительной кличкой «совок» и *de facto* рассматривается как неполноценное, подлежащее перевоспитанию. Иногда по отношению к ним и прямо используется классическое нацистское выражение «недочеловеки», в том числе публичными политиками. Например, это выражение употребил по отношению к противникам «евромайдана» премьер-министр А. Яценюк в выступлении в США*. Оно подразумевает не только тотальное господство украинской

---

* В английском тексте заявления было использовано слово *subhuman*, по сути, являющееся калькой с использованного немецкими нацистами слова *Untermensch* – недочеловек. Позднее в английском тексте слово *subhuman* было заменено на *inhuman* (нелюдь). URL: <http://vz.ru/news/2014/6/16/691357.html>.

идеологии, но и, как показали события 2014 года, физическое уничтожение оппонентов. Причем речь идет не только о боевых действиях на Донбассе, но и о «пропаже без вести» нескольких тысяч человек, имевших «пророссийские взгляды». Сущностный признак неонацизма – стремление к полному господству одной нации над другими, вплоть до физического уничтожения несогласных – уже присутствует в современной Украине.

Во-вторых, это *психология завоевателей и угнетателей*. Подобно тому как А. Гитлер намеревался заселить европейскую часть СССР «полноценными арийцами», идейные украинцы мечтают о так называемой «украинской Украине», т. е. о том, чтобы все население без исключения заговорило на официальном украинском языке и свято уверовало в ту нацистскую идеологию, о которой идет речь. Все остальные изначально официально объявляются «врагами украинского народа» и «пятой колонной Москвы». При этом создается лицемерный миф о якобы «вековом угнетении» со стороны России – именно для того, чтобы замаскировать собственное стремление к угнетению и насильственной «украинизации». А если учесть, что русскоязычные составляют как минимум половину населения Украины, то ситуация становится совершенно абсурдной – ведь «неправильной» и подлежащей «перевоспитанию» оказывается половина (!) граждан страны. И эти *колонизаторские* планы активно воплощаются в жизнь начиная уже с 1991 года – в виде навязывания этой идеологии через систему образования и СМИ, а также абсолютно скандального факта: Украина ныне является единственной страной в мире, где язык половины населения не является государственным или хотя бы официальным!

Наиболее авторитетный среди украинских неонацистов идеолог, создатель «интегрального национализма» Д. Донцов, несколько не стеснясь, требовал от «идейных украинцев» двух главных качеств – *фанатизма* и *аморальности*. Он подчеркивал, что «национальная идея должна была быть аморальной», а реализовать ее должен фанатик, который «считает свою правду единственной, общей, обязательной для других. Отсюда его агрессивность и нетерпимость к иным взглядам»; специфически украинский «аморализм» предполагает, по Д. Донцову, «что носители национальной идеи должны подняться над мещанской, обыденной моралью, к ним нужно подходить с иными моральными мерками. Их мораль предполагает ненависть к врагу, даже если он не сделал им ничего плохого, ненависть к “добрым людям”, которые “добры”, так как

недостаточно сильны, чтобы стать злыми» (Донцов 1966: 286). Потому что, как он утверждал, «живут и господствуют только расы, которые не знают сомнений, которые не задумываются над правом на собственное существование за счет слабых» (Там же: 297).

Об «Ордене лучших людей» Донцов пишет: «Где господствует такая исключительность мысли, где противник называется “апостолом дьявола”, где противопоставляется своя идея чужой, как Бог Люциферу, или как религию “трудового народа” горстке “эксплуататоров”, там нет разговора о компромиссе, там лишь демонизм, огонь, безумие, неистовство... А ко всему этому добавляется чувство собственной непогрешимости»; и лучший способ навязать свою волю – «сеять ненависть к своим. Ширить раскол и взаимное недоверие. В свою хату вносить раздор» (Он же 1967: 179). Из переиздания статьи Донцова «Партия или орден» в 1967 году (первое ее издание вышло в 1938 году) были уже убраны такие слова: «Нужны спор и раздор, нужны войны и братоубийства для оздоровления больной души нации»; нужно «молотом вбить... веру и правду во взбаламученные мозги своего общества, без сожаления добывая недоверков» (Там же).

Эта человеконенавистническая идеология имела глубокие исторические корни. Н. И. Ульянов в классическом труде «Происхождение украинского сепаратизма» приводит цитату из статьи журнала «Українська Хата» за 1912 год (он издавался в Галиции и нелегально переправлялся в Россию): «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом – ненависть к ее врагам... Возрождение Украины синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину значит пожертвовать кацапской родней» (Ульянов 1996: 148). Такова изначальная суть «идейного украинства», которое сейчас в Украине фактически стало государственной идеологией и «единственно правильной точкой зрения».

Людей, попавших под внушение этой идеологии, можно понять. Ведь после 1991 года население Украины живет в состоянии постоянной разрухи и разочарования. В Украине, в отличие от России, так и не началось возрождение государства и народа – наоборот, разруха все усиливается. И поэтому люди тянутся к такой идеологии, которая в качестве «компенсации» создает им иллюзию собственного «величия», а с другой стороны – и «образ врага», на которого можно свалить все беды. Кроме того, русофобская идео-

логия позволяет также замаскировать зависть населения Украины к успехам возрождающейся России. Характерный пример этой зависти: ни один украинский телеканал не сообщил о том, что сборная России завоевала больше всех медалей на сочинской Олимпиаде. Единственное, что можно было узнать о ней из украинских СМИ – это то, что при строительстве олимпийских объектов якобы «разворовано более половины средств». Какой-либо позитивной информации о России в них не было даже во времена В. Януковича, не говоря уже о нынешних. Здесь всегда полностью господствовала русофобия, достигшая сегодня самой крайней степени.

В 2014 году также в полной мере проявился и важнейший атрибутивный признак неонацизма – милитаризация и война за «жизненное пространство на востоке». В ответ на симметричные по отношению к киевскому «евромайдану» действия – захват административных зданий в некоторых городах Донбасса – киевская власть начала боевые действия против населения, которые со временем переросли в обычную войну регионального масштаба. Характерно, что требования протестующих на Донбассе были намного более скромными, чем киевского «майдана» – вовсе не полная смена власти, а всего лишь федерализация страны. Страх перед федерализацией киевских властей – совершенно абсурдный с точки зрения мирового опыта, поскольку почти все самые развитые страны мира являются именно федерациями – на самом деле легко объясняется их националистическим мышлением. Ведь федерализация Украины делает невозможной реализацию проекта радикального национализма и защищает права русскоязычной половины населения страны.

В полной мере в современной Украине проявился, хотя и в завуалированной форме, еще один атрибутивный признак неонацизма – господство одной-единственной партии. Хотя формально в стране существуют десятки партий и парламент также многопартийный, в реальности все это лишь видимость, поскольку реальной возможности политического выражения альтернативных идеологических позиций в настоящее время не существует. Все они заранее объявлены «антиукраинскими» и «антигосударственными», их представители подвергаются преследованиям, а иногда и физическому уничтожению. Во время президентских и парламентских выборов в Украине 2014 года все попытки политической деятельности «антимайданных» кандидатов в президенты и депутаты полностью блокировались организованными группами неонацистов.

Эти кандидаты и их доверенные лица подвергались нападениям и избиениям даже в городах южной и восточной Украины, а в западную и центральную их вообще не пускали местные власти. Поэтому ни о какой «свободе выборов» в 2014 году не может быть и речи, а значит, по международным правилам, существующая ныне в Украине власть не может считаться легитимной. В Интернете периода выборов постоянно варьировались картинки с одним и тем же ироническим названием «Выбери своего фашиста!». По этой причине явка на выборах оказалась самой низкой за всю историю Украины – русскоязычная часть страны, не видя никакого реального выбора, массово их игнорировала. И хотя в парламент все-таки попало некоторое количество оппозиционных депутатов, они там подвергаются постоянной агрессии и оскорблениям и прямо именуются «внутренними врагами» и «пособниками врага» (имеется в виду, естественно, Россия). Эти факты – яркое выражение тоталитарного неонацистского сознания, свойственного остальной части парламента. Поэтому последняя фактически составляет одну радикально-националистическую «партию власти», а ее формальное разделение на несколько разных «партий» связано лишь с различием источников финансирования разных конкурирующих «фюреров».

Тип власти, сложившийся в Украине после госпереворота 2014 года, наиболее точно определяется термином «клика». «Чем отличается клика (есть не только французское слово *clique*, но и русское “клык”), прорвавшаяся к власти путем выборов, от действительно выборной власти?.. Отличительная черта клики – отношение к оппозиции. Если оппозицию начинают именовать “врагом”, значит, к власти пришла клика. Именно клика возносит себя над людьми и позволяет себе говорить от имени всех... Клика торопится завоевать национальные символы, так как, присвоив их, называет символом нации самое себя. И тогда каждый свой шаг она провозглашает священным, безупречным и требует, чтобы граждане отказались от критического анализа ее действий... Она создает министерство управления информацией, поручая ему обрабатывать информацию в идеологию» (Юозайтис 1991: 36). Тоталитарные формы «управления информацией» проявляются полным запретом на территории Украины российских источников информации, преследованием российских журналистов и деятелей культуры. Очень показательными являлись попытка закрыть «Интер» за

трансляцию московского новогоднего концерта 2015 года и нападение толпы неонацистов на редакцию этого телеканала.

Стоит отметить, что и в предшествующем составе парламента, где была коалиция, созданная вокруг «Партии регионов», а националисты были еще в меньшинстве, имела место та же ситуация. Это меньшинство именовало правящую коалицию «антиукраинской» и «антигосударственной», совершенно игнорируя тот факт, что она избрана большинством населения страны. Это и неудивительно: с точки зрения неонацистской «логики» большая часть населения страны должна считаться «врагами», если она не разделяет их идеологии. При этом неонацисты сами себя именовали «демократической оппозицией», откровенно игнорируя самые элементарные понятия демократии.

Это – часть более общего феномена: люди, исповедующие неонацистскую идеологию и имеющие ярко выраженный тоталитарный тип сознания с его нетерпимостью, неспособностью к саморефлексии и диалогу с оппонентами, одновременно объявляют себя «приверженцами европейских ценностей» (правда, не умея объяснить, что это такое, и ограничиваясь лишь парой стандартных фраз о «правах личности», которые они сами принципиально игнорируют по отношению к оппонентам). Этот феномен расщепленного сознания давно исследован в литературе, в частности в концепции «сознания-кентавра» Ж. Т. Тощенко (2002: 30). Такая внутренняя абсурдность и алогичность массового сознания особо ярко проявилась и во время так называемого «евромайдана», в результате которого неонацисты пришли к власти. Выступая под лозунгами «достоинства», «евромайдан» игнорировал тот факт, что ассоциация с ЕС полностью лишает самостоятельности экономику Украины, окончательно превращая ее в колониальный сырьевой придаток, – весьма странное понятие о «достоинстве». Выступая «против олигархов», «евромайдан» напрямую финансировался самими олигархами, а затем привел к власти президента-олигарха – все это уже самые откровенные проявления массового «раздвоения сознания».

Причины таких деформаций массового сознания уже отчасти были объяснены на аналогичном материале Прибалтики. Так, А. Усманова в работе «Негативная память о советском как травма модернизации, или о чем “молчит” литовское кино» отмечает, что «негативное отношение в современной Литве к советскому прошлому следует рассматривать не столько в контексте доминирующей интерпретативной схемы (Советское время/период оккупа-

ции), сколько с точки зрения нерационализируемого отторжения советского опыта как опыта модернизации и радикальной смены всего уклада жизни. Оттого ностальгия по золотому веку в истории независимости Литвы – это в первую очередь ностальгия по патриархальной аграрной культуре и ее ценностям... С другой стороны... именно в советское время сложились условия для вызревания национальной идентичности современной урбанизированной Литвы» (Усманова 2012).

Рецидивы радикального национализма в Украине, как и в Прибалтике, – не что иное, как подсознательная ностальгия по патриархальной культуре и ее «племенным» ценностям. Этим и объясняется возможность логически абсурдного соединения фактического неонацизма с декларативной приверженностью «европейским ценностям»: это возможно потому, что и то и другое суть способы отторжения советского и «имперского» прошлого. В свою очередь, это весьма характерное проявление того феномена массового сознания, которое Ф. Ницше в свое время описал как *ressentiment* (фр. «мстительность»). По его определению, *ressentiment* «с самого начала говорит Нет “внешнему”, “иному”, “несобственному”»: это Нет и оказывается ее творческим деянием. Этот поворот... обращение вовне, вместо обращения к самому себе – как раз и принадлежит к *ressentiment*... всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире» (Ницше 1990: 506).

Парадокс национализма, основанного на комплексе *ressentiment*, состоит в том, что он как раз свидетельствует о несостоявшейся нации и комплексе неполноценности, сформировавшемся в массовом сознании по этому поводу. Действительно, «идентичность» нации – это феномен Модерна, в более ранний, племенной (этнический) период ее не существует. Не принимая реальной идентичности той нации, которая приобщила этнос к Модерну (для западных украинцев – это только СССР и «советский народ», для остальных – частично и Российская империя), они пытаются выстроить псевдоидентичность из обломков родового сознания, с одной стороны, и поверхностно-эпигонского усвоения элементов европейской культуры – с другой. Но и то и другое совершенно утопично и национальной идентичности создать не может в принципе, ибо последняя создается только реальным опытом Модерна.

А этот опыт был у украинцев исключительно общерусским и общесоветским. В результате возникает, с одной стороны, некая

симуляция идентичности при реальном ее отсутствии, а с другой – отторжение того реального опыта Модерна и той реальной идентичности, которую он создал. Именно в этом – причина агрессивной русофобии и антисоветизма современного «украинства». За ним стоит *бессознательное чувство вины за предательство своей реальной, а не выдуманной общности*, созданной Модерном (в данном случае – общерусской и общесоветской). Эта вина переживается хотя и бессознательно, но тем острее, что *все реальные культурные и исторические достижения самого южнорусского этноса, именуемого ныне украинцами, были именно в общерусском и советском прошлом, а период независимости не принес ничего, кроме тотальной деградации*. Это феномен, повторяющийся в истории, и о его сути писал еще Тацит: “*Beneficia usque loeta sunt dum videntur exolvi posse; ubi multum antevenere, pro gratia odium redditur*” («Благодетяния до тех пор принимаются с признательностью, пока за них надеются отблагодарить; но становясь слишком большими, вызывают ненависть») (Анналы IV:18).

Об этом же позднее говорил мексиканский писатель и философ, нобелевский лауреат 1990 года О. Пас (2001: 258): «Я не знаю случаев, когда чувство вины перерастало бы во что-нибудь, кроме мстительности, одинокого отчаяния или слепого идолопоклонства». Пас фиксирует закономерность, свойственную человеку и человеческой общности в их «естественном» состоянии, не «обремененном» никакими нравственными усилиями.

Именно этот закон массовой психологии зафиксирован в парадоксальных на первый взгляд, но оказавшихся пророческими размышлениях Ф. М. Достоевского (2010: 373–375). «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит. Начнут они непременно с того, что... убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись... я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению»; при этом эти народы будут «трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варвар-

ская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации».

Реальная идентичность населения Украины *de facto* является локальным вариантом постсоветской идентичности, почти не отличающейся от культурной идентичности россиян. Но настойчивое стремление выстроить другую идентичность неизбежно сводится к фанатическим усилиям *разрушить* свою *реальную* идентичность, вследствие чего ни сил, ни навыков для позитивного созидания другой уже не остается. Создается некая парадоксальная анти-идентичность при отсутствии всякого позитивного наполнения. Возникает особый культурно-исторический *невроз симулятивной идентичности*. И именно отсюда эгоцентризм и комплекс неполноценности как доминанты массового сознания, о которых писали киевские социологи. Невротический коллективный нарциссизм как следствие травмы модернизации является иллюзорным компенсатором коллективного чувства неполноценности, порожденного упадком и маргинализацией данной этнокультурной общности в современном мире. На этой глубинной, экзистенциальной почве и формируется тот психологический тип «идейного украинца», для которого неизбежно, по классической характеристике Н. С. Трубецкого (1995: 373), всегда свойственны «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности... дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией». Общаясь с «идейными украинцами», каждый раз ужасаешься, в какую «экзистенциальную яму», в какую культурную и психологическую резервацию они сами себя загоняют. Поза вечной обиженности, ощущение постоянной окруженности врагами и предателями, сочетающаяся, однако, с чрезвычайной злобой, надменностью и агрессивностью по отношению к инакомыслящим, которые фактически воспринимаются как недочеловеки («манкурты», «янычары», «бандиты», «пятая колонна» и т. д.), – пребывание в таком состоянии неизбежно приводит к разрушению нормальных нравственных понятий: возникают неспособность к диалогу и самокритике, комплекс «я всегда прав». Единственным способом общения с оппонентами становятся злоба, хамство и истерика.

Эта неспособность видеть Другого, замкнутый монолизм сознания – признак архаичности сознания, не прошедшего Модерн и продолжающего воспринимать социальную общность по архаической модели «свое» (хорошее) – «чужое» (плохое, враждебное).

Поскольку понятие «свое» переносится на все население Украины при полном игнорировании его культурно-мировоззренческой неоднородности, возникает, по сути, тоталитарная установка – требование унификации взглядов всего населения на происходящие события и навязывание всем своей собственной «идентичности». Те, кто не хочет подчиняться этой установке, автоматически квалифицируются как «враги Украины». Этот явный рецидив классического тоталитарного сознания, к счастью, уравновешивается наличием неофициального уровня общения людей, имеющих возможность выражать свои взгляды в кругу единомышленников, но если это выходит на уровень публичности, то такие люди сразу же подвергаются репрессиям.

Публицисту Вяч. Липинскому, искавшему причины неудачи украинского самостийничества в период Гражданской войны, принадлежит термин «государстворазрушительный национализм». Он отмечал, что «характерной особенностью украинского этнонационализма является желание прислуживать внешним силам для получения поддержки в подавлении сопротивления внутри страны» (цит. по: Крючков, Табачник 2008: 387). Этот, по его выражению, «украинский шовинизм для лавочников» поэтому «всегда будет представлен типами... озлобленных и эгоцентрических лиц... которые своей бессильной злобой все творческое, жизнеспособное на Украине от Украины будут отгонять». Продолжая мысль Липинского, Г. К. Крючков и Д. В. Табачник писали уже в 2008 году: «Увы, именно подобные типы вновь у руля высшей государственной власти делают все возможное для провоцирования гражданского противостояния, разжигания межнациональной и межрелигиозной вражды. Вновь они опираются на зарубежных хозяев, заинтересованных в создании антироссийского плацдарма» (Там же: 387–388).

Принципиальный вопрос состоит в том, почему подобные представления продолжают находить достаточно широкий отклик и становятся фактом массового сознания. Понятно, что это было бы невозможно без применения манипулятивных технологий и простого обмана. Однако важнее увидеть и объективные предпосылки временной популярности радикального украинского национализма. В частности, как показывает опыт, «украинская идея» выполняет функцию (воспользуемся термином А. И. Солженицына) «отрицательного отбора», втягивая в число своих приверженцев в первую очередь людей эгоистически озлобленных, обремененных ком-

плексом неполноценности и поэтому стремящихся к самоутверждению за счет принижения инакомыслящих, а также откровенных приспособленцев. Заметим, что в наше время уже многие адепты радикального украинского национализма – это русскоязычные, многие из которых даже не умеют разговаривать на официально принятом украинском языке. Объяснение этому факту дает С. Н. Сидоренко (2006: 247): «Для русского и русскоязычного населения Украины, составляющего не менее половины всех ее жителей, всегда были характерны духовная незаполненность, пустота. Всю жизнь разговаривая на русском языке, эти люди в массе своей совершенно не подозревали о духовных богатствах тысячелетней культуры, стоящей за этим языком. Когда их стали вынуждать поменять их язык и культуру на нечто другое, они безропотно согласились, оттого что были не затронуты этой культурой – так что, по сути, им и не пришлось ничем жертвовать».

Эта ситуация является далеко не новой и даже классической. Наблюдавший за событиями 1918–1920 годов академик Н. К. Гудзий сделал такой вывод: «Самостийники и количественно и качественно... незначительны и вербовались они или среди галичан, или среди тех, кто на всякой политической идеологии способен был делать себе карьеру... Для кого большая духовная культура России была пустым звуком, о тех можно сказать, что за душой ничего у них не было и, отказываясь от России, им терять было нечего» (Гудзий 2006: 186). Н. И. Ульянов отмечал «самую “интимную” тайну украинского сепаратизма, отличающую его от всех других подобных явлений – его искусственность, выдуманность... До прихода к власти большевиков он только драпировался в национальную тогу, а на самом деле был авантюрой, заговором кучки маньяков. Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвигал программу отмежевания от русской культуры, вразрез со всеобщим желанием. Не будучи народен, шел не на гребне волны массового движения, а путем интриг и союза со всеми антидемократическими силами, будь то русский большевизм или австро-польский либо германский нацизм» (Ульянов 1996: 217).

Аналогичный процесс наблюдался и в период распада СССР, когда республиканские партноменклатуры «приватизировали» свои республики под видом «независимых» государств. Это произошло почти без какого-либо сопротивления русскоязычных граждан, составляющих около половины населения Украины. Как отмечает С. Н. Сидоренко (2006: 247), «количественно ничтожная часть ны-

нешних граждан Украины, – включающая население трех областей Галиции и кучку “национально свидомых” киевских “интеллектуалов”, – которая имела хоть и примитивную, но собственную идеологию, состоящую из самохвальства и завистливой враждебности ко всему русскому – легко смогла подчинить себе всю эту огромную пустоту, наполнив ее своей идеологией». Заметим, что тем самым внешняя «массовость» принятия идеологии украинского национализма, в том числе и русскоязычным населением, создает эффект «троянского коня». Вся эта внутренняя культурная пустота теперь входит в самую суть этой идеологии, для принятия которой вовсе не требуется подлинных знаний и убеждений, но нужно лишь бессмысленное повторение нескольких мифов, тешащих самолюбие. В этом отношении современный массовый украинский национализм является преемником советской идеологии и явно опирается на многие ее стереотипы: например, на культ «светлого будущего», которым теперь стал уже не коммунизм, а «европейский выбор» – но его утопическая суть одна и та же.

Анализ поставленной проблемы позволяет сделать следующие выводы.

Причины массового распространения украинского национализма состоят в том, что он является: 1) мощным психологическим компенсатором реального процесса культурной деградации общества; 2) психологическим компенсатором подсознательного чувства исторической вины – предательства своей подлинной общерусской и советской идентичности, отказа от подлинной исторической памяти и большой культурной традиции ради агрессивного провинциализма; 3) заполнением культурной пустоты массового сознания, создающим образ иллюзорного «величия».

Литература

Бялый, Ю. 2014. *К чему стадам дары свободы...* URL: <http://ss69100.livejournal.com/1587301.html>.

Гозман, Л. Я. 1995. Психология перехода. *Вопросы философии* 5: 173–186.

Гудзий, Н. К. 2006. Конец украинской самостийности. В: Филимонов, С. Б., *Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковедца*. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, с. 184–189.

Донцов, Д.

1966. *Націоналізм*. Лондон; Торонто: Українська Видавнича Спілка.

1967. *Партія чи орден*. В: Донцов, Д., *Хрестом і мечем. Твори*. Торонто, с. 159–181.

Донченко, Е., Овчаров, А. 1999. Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса. *Социология: теория, методы, маркетинг* 1: 173–190.

Достоевский, Ф. М. 2010. *Дневник писателя. Избранные главы*. СПб.: Азбука-классика.

Ионин, Л. Г. 1986. Фашизм – патология истории. *Социологические исследования* 4: 154–159.

Крючков, Г. К., Табачник, Д. В. 2008. *Фашизм в Украине: угроза или реальность?* Харьков: Фолио.

Ницше, Ф. 1990. К генеалогии морали. В: Ницше, Ф., *Соч.*: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, с. 407–524.

Пас, О. 2001. Дохлак и другие крайности. В: Пас, О., *Избранное. В поисках настоящего времени*. М.: ТЕРРА, с. 247–260.

Райх, В. 2004. *Психология масс и фашизм*. М.: АСТ, Мидгард.

Сидоренко, С. Н. 2006. *Украина – Россия: преодоление распада*. Киев: МиП.

Тощенко, Ж. Т. 2002. Кентавр-проблема как особый случай парадоксальности общественного сознания. *Вопросы философии* 4: 29–38.

Трубецкой, Н. С. 1995. К украинской проблеме. *История. Культура. Язык*. М.: Наука, с. 359–381.

Ульянов, Н. И. 1996. *Происхождение украинского сепаратизма*. М.: Индрик.

Усманова, А. 2012. *Негативная память о советском как травма модернизации, или о чем «молчит» литовское кино*. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1686>.

Юозайтис, А. 1991. Анатомия клики. *Век XX и мир* 10: 36–38.